

Список цитированных источников

1. Забара, А. А. Апелляция в гражданском процессе: готовиться к изменениям нужно уже сегодня / А. А. Забара // Судовы весн. – 2017. – № 3. – С. 3–7.
2. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 464 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Марковичева Е. В.

Характерной особенностью XXI века является активное проникновение информационных технологий в различные сферы жизни. Цифровизация все больше затрагивает и правовую сферу и нацелена на ее качественное преобразование. Большинство современных государств рассматривают внедрение информационных технологий в различные сферы государственного управления, социально-экономической деятельности как перспективные направления государственной политики.

В этой связи одним из перспективных направлений цифровизации современного общества стало активное использование информационных технологий для оптимизации деятельности государственных органов. Во многих странах мира идет цифровая трансформация систем государственного управления, объединяются различные информационные потоки, в деятельность органов государственной власти внедряются элементы искусственного интеллекта. Очевидно, что эти процессы не могут не затрагивать судопроизводство и систему правосудия.

На сегодняшний день целый ряд государств активно внедряет в том или ином виде электронное правосудие (e-justice). Информационные технологии внедряются в различные виды судопроизводства. В большей степени эти процессы охватывают отправление правосудия по гражданским делам, в наименьшей – по уголовным, что связано с особенностями уголовного процесса (меньшей диспозитивностью, особой процедурой, вовлечением значительного числа субъектов, высоким риском ограничения прав и свобод и т. д.). Однако темпы проникновения информационных технологий в сферу уголовного судопроизводства постоянно растут. Отчасти это вторичный процесс, поскольку он связан с нарастающей информатизацией преступной деятельности. С этим вызовом сталкивается уголовное судопроизводство большинства современных государств:

если в начале века информационные технологии сопровождали только беловоротничковую преступность, то в настоящее время так называемые цифровые доказательства сопровождают расследование и рассмотрение значительного числа уголовных дел. В США предметом профессиональной дискуссии среди юристов являются вопросы использования электронных доказательств в условиях отсутствия полноценной нормативной базы, сложившейся прецедентной практики и недостаточной готовности большинства юристов к участию в таких делах [1].

Другим направлением цифровизации уголовного судопроизводства является постепенный переход к безбумажному документообороту. К странам, где информационные технологии в достаточной степени интегрированы в уголовное судопроизводство, можно отнести Австралию, США, многие европейские государства. Например, в американском штате Нью-Джерси с 2017 г. суды стали чаще использовать видеоконференцсвязь и переходить к электронной форме судебных дел. В Германии в 2017 г. был принят закон, предусматривающий активное внедрение электронных форм процессуальных решений и действий по уголовным делам в деятельность судов с тем, чтобы завершить полный переход к безбумажному производству к 2026 г.

В настоящее время уже есть примеры использования систем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. В частности, в отдельных штатах США используются возможности искусственного интеллекта при оценке риска оставления обвиняемого под залогом до суда. Специальная программа (Public Safety Assessment) после оценки девяти факторов риска выдает судье соответствующие рекомендации. По мнению разработчиков данной программы, ее использование позволяет снизить субъективизм правоприменителя, поскольку программа не реагирует на внешний вид лица, не учитывает расу, пол, историю занятости, где живет человек, а также историю его арестов, не закончившихся осуждением.

Возможности информационных технологий начинают использоваться в системах судопроизводства и отдельные государства на постсоветском пространстве: Азербайджан, Грузия, Казахстан, Эстония. Например, с января 2018 г. в Казахстане появилась нормативная база для поэтапного внедрения в уголовный процесс модели электронного уголовного дела. На сегодняшний день накоплен определенный опыт в формировании электронного уголовного дела, но также

и обозначился спектр проблем, требующих своего решения. Внедрение модели электронного уголовного дела неизбежно ставит перед правоприменителем ряд проблем, например, связанных с созданием электронных образов процессуальных документов на портативных устройствах, идентификацией подписи, подписавшего лица, формированием видеоматериалов в определенном формате, облегчающим системный доступ к отдельным фрагментам и т.п.

Что касается вовлеченности российского судопроизводства в процесс цифровизации, то необходимо отметить следующее. В последнее десятилетие усилия государства преимущественно были направлены на решение задач по информатизации судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Необходимость оптимизации судебной деятельности за счет ее цифровизации была обозначена в Постановлении Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», в котором указывалось на наличие широкого спектра болевых точек, «связанных с качеством правосудия, сроками судопроизводства, недостаточной информированностью граждан о деятельности судебной системы, неудовлетворительной работой судов, неэффективным исполнением судебных актов, отсутствием необходимых условий для осуществления правосудия» [2]. Внедрение в российскую судебную систему технологий электронного правосудия рассматривается как один из эффективных путей решения указанных проблем.

Хотя само понятие «электронное правосудие» оценивается российским юридическим сообществом весьма критично, как не совсем удачная калька с англоязычного термина, его роль в повышении транспарентности правосудия и оптимизации различных видов судопроизводства в целом юридическим сообществом признается [3, с. 142–147].

Информатизация затронула российское судопроизводство крайне неравномерно. В наибольшей степени в парадигму цифрового государства вписывается система арбитражного судопроизводства. Уже применительно к судам общей юрисдикции работа по внедрению элементов электронного правосудия в тот или иной вид судопроизводства идет более медленно. Долгое время информатизация судебного разбирательства по уголовному делу сводилась к использованию в ограниченном объеме возможностей видеоконференц-связи. Справедливости ради отметим, что в этом отношении сделан

серьезный шаг вперед, позволивший улучшить обеспеченность прав и законных интересов отдельных участников процесса. Хотя, как справедливо отмечают исследователи, целый ряд проблем здесь еще предстоит решить [4].

В настоящее время российскими судами общей юрисдикции в направлении цифровизации судопроизводства проводится целый ряд мероприятий: создаются электронные образы дел, формируется электронный архив, оптимизируется система электронного обращения в суд, предпринимаются попытки установления электронного взаимодействия судов с другими органами государственной власти и интеграция информационных систем этих органов и т. д. [5].

Примером достаточно успешной реализации этих задач является Комплексная информационная система судов общей юрисдикции г. Москвы (далее - КИС СОЮ), функциональные возможности которой постоянно расширяются. В рамках развития данной информационной системы г. Москвы удалось установить межведомственное взаимодействие между судами и «Почтой России», приставами-исполнителями, организовать передачу статистических данных в органы прокуратуры в электронном виде. В экспериментальном режиме в одном из следственных изоляторов г. Москвы установлен информационный киоск для ознакомления подсудимых с материалами уголовного дела.

Очевидно, что уголовное судопроизводство вовлечено в процесс информатизации в наименьшей степени. Отчасти, такая ситуация связана с особенностями организации процессуальной деятельности в различных стадиях, вовлеченностью значительного числа участников, необходимостью применения мер пресечения, сложностями межведомственного взаимодействия.

Вместе с тем, высокая потребность во внедрении элементов электронного правосудия именно в уголовный процесс становится все очевиднее. Эта потребность вытекает из повседневных задач, которые решает правоприменитель в рамках российского уголовного судопроизводства, что позволяет исследователям утверждать, что «более активное применение электронных технических средств позволит осуществить электронное уголовно-процессуальное доказывание, тем самым модернизировать всю систему уголовного судопроизводства и решить ряд накопившихся проблем» [6, с. 587]. При этом ученые-процессуалисты акцентируют свое внимание преимущественно на возможности существования уголовного дела

в электронной форме [7], особенностях получения и использования электронных доказательств [8]. Также исследователи предлагают рассматривать цифровизацию уголовного процесса как эффективное средство его кардинального преобразования и повышения состоятельности [9]. При этом на повестку дня выносятся вопросы о том, чем должны стать цифровые технологии в российском уголовном процессе: средством его оптимизации или качественной трансформации?

При всей привлекательности концепции устранения болевых точек современного российского уголовного судопроизводства посредством «цифровой революции», представляется, что практическое воплощение такой идеи может быть сопряжено с рядом сложностей. Наряду с осознанием всех преимуществ, которые могут принести в уголовный процесс современные технологии, необходимо представлять и те риски, которые несет их внедрение и быть готовыми к минимизации данных рисков. При этом необходимо учитывать то, что сфера уголовного судопроизводства будет зависеть от уровня развития цифровых технологий. Сегодня технология распределенного реестра, несмотря на наличие у нее определенных недостатков и уязвимостей, видится весьма перспективной для построения, так называемого, цифрового государства. Однако на смену этой технологии могут прийти и другие, тем более, что разработки в данном направлении ведутся. Возникает вопрос о готовности сферы общественных отношений к скорости таких трансформаций. В настоящее время европейские государства столкнулись с серьезным противоречием между уровнем развития права и уровнем развития технологий. 28 мая 2017 г. в Евросоюзе вступил в действие Общий регламент защиты данных (General Data Protection Regulation (GDPR) [10]. Статья 17 данного регламента закрепляет право быть забытым (The right to be forgotten), позволяющее каждому удалять или исправлять собственные персональные данные, а также прекращать их использование за счет отзыва согласия на их обработку. Однако использование технологии блокчейн не позволяет обеспечить реализацию права на забвение в связи с принципиальным отсутствием такой возможности.

Опыт зарубежных государств, активно использующих информатизацию в целях развития судебных систем, свидетельствует о том, что при эффективном решении одних вопросов на повестку дня выходят качественно новые. Например, нарастание темпов электрон-

ного взаимодействия граждан с государственными органами, в том числе и судами, заставляет юридическое сообщество задуматься об обеспечении информационного равноправия. Ни одно государство на сегодняшний день не готово полностью решить эту проблему. И это основная причина, по которой система правосудия переходит на электронный документооборот поэтапно.

Активное включение электронных доказательств в уголовный процесс США требует решения целого ряда проблем, связанных с удорожанием такого процесса и заставляет юристов задуматься о процессуальных возможностях малоимущих граждан. В 2017 г. Верховный Суд США рассматривал жалобу заключенного из штата Висконсин Эрика Лумиса, осужденного на шесть лет, который полагал, что наличие в программе расчета тюремного срока COMPAS признака «пол» нарушает его право на надлежащую процедуру, поскольку рассматривает гендерные аспекты при анализе риска рецидива при освобождении. Заключенный указал, что использование программного обеспечения не позволяет индивидуализировать приговор и нарушает право осужденного на определение наказания на основании точной и полной информации. Жалоба была отклонена, но она показала, что субъекты уголовного процесса могут рассматривать технологии как угрозу своим правам и активно заявлять об этом в процессуальном порядке.

Как правило, мы рассматриваем внедрение информационных технологий априори как средство, способствующее лучшему обеспечению прав участников судопроизводства, но практика их внедрения свидетельствует в пользу более прагматичного и рационального подхода.

С учетом опыта других государств, постепенный переход от письменной формы уголовного судопроизводства к электронному уголовному делу можно рассматривать как перспективное направление модернизации уголовного процесса, позволяющее сократить сроки уголовного судопроизводства, улучшить доступ участников к процессуальной информации, облегчить проверку материалов уголовного дела [11, с. 95].

Однако решение данной задачи требует системной организационной и правовой деятельности. Внесение поправок в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, позволяющих подавать документы в суд в электронном виде и изготавливать в электронном виде решения суда можно рассматривать как первый шаг, но его явно недо-

статочны для решения всех задач. Многие из них лежат в плоскости законодательства. И речь должна идти о комплексном изменении действующего законодательства, поскольку введение новых понятий и терминов в уголовно-процессуальное законодательство не решит эту проблему. В современной России фактически отсутствует развитое законодательство, регулирующее отношения в области информационных технологий. Необходимость внедрения в процессуальную деятельность технологий искусственного интеллекта потребует и концептуального изменения определенных норм для перевода их в машиночитаемый вид, исключающий вариативность в толковании и уяснении смысла нормы.

Еще одна важная задача, которая должна быть решена – это подготовка и переподготовка юридических кадров к работе с использованием цифровых технологий. Отчасти именно недостаточная информационная компетентность современных юристов заставляет их проявлять скептическое отношение к внедрению цифровых технологий в сферу права. Очевидно, что система подготовки юридических кадров должна также измениться. Это понимают в тех государствах, где наблюдаются высокие темпы информатизации общественной жизни. Например, в Китае получает распространение практика, когда человек первоначально за рубежом получает образование в области информационных технологий, а затем уже в Китае юридическое образование.

Безусловно, что это не исчерпывающий перечень вопросов, которые стоят перед российским уголовным процессом в рамках концепции цифрового государства. Очевидно, что в силу постоянного нарастания информационных процессов в круг этих вопросов будет постоянно расширяться. Трансформации уголовного процесса в контексте цифровизации действительно может быть рассмотрена как актуальная тема для научного поиска. Поэтому необходимо вести речь о разработке концепции уголовного судопроизводства, решающего поставленные перед ним задачи, в условиях меняющейся реальности информационного общества.

Список цитированных источников

1. Broderick, S. Criminal e-Discovery: A Pocket Guide for Judges / S. Broderick, D. Lee Elm, A. Goldsmith, J. Haried, K. Rai. – Washington DC : Federal Judicial Center, 2015 – 90 p.

2. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы : Постановление Правительства РФ, 27 дек. 2012 г., № 140 // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

3. Аносов, А. В. Теоретико-правовые вопросы формирования «электронного правосудия» в Российской Федерации / А. В. Аносов // Право и гос-во. Теория и практика. – 2016. – № 5. – С. 142–147.

4. Качалова, О. В. О некоторых вопросах использования видеоконференцсвязи в российском уголовном судопроизводстве / О. В. Качалова // Совершенствование следств. деятельности в условиях информатизации : сб. материалов Междунар. научно-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2018 г. / Следств. комитет Респ. Беларусь ; редкол. : С. Я. Аземша [и др.] – Минск : Редакция журн. «Промышленно-торговое право», 2018. – С. 133–136.

5. Марковичева, Е. В. Перспективы развития электронного судопроизводства в Российской Федерации / Е. В. Марковичева // Рос. правосудие. – 2017. – № 3. – С. 88–95.

6. Зуев, С. В., Никитин, Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем / Е. В. Никитин, С. В. Зуев // Всерос. криминологич. журн. – 2017. – № 3. – С. 587–595.

7. Соколов, Ю. Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме / Ю. Н. Соколов // Информационное право. – 2017. – № 1. – С. 28–33.

8. Оконенко, Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права / Р. И. Оконенко // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3. – С. 120–124.

9. Власова, В. С. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности / В. С. Власова // Библиотека криминалиста. Научный журн. – 2018. – № 1. – С. 9–18.

10. General Data Protection Regulation [Electronic resource] // GDPR Portal. – Mode of access: <https://www.eugdpr.org>. – Date of access: 21.07.2018.

11. Качалова, О. В., Цветков, Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства / О. В. Качалова, Ю. А. Цветков // Рос. правосудие. – 2015. – № 2. – С. 95–101.

НОРМЫ О ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

Масюк В. И.

Для государств континентальной правовой семьи, к числу которых относится Республика Беларусь, особое значение имеют проблемы обеспечения иерархичности правовых норм, структурированности национальной системы права, закрепления в ней действенных механизмов преодоления противоречий. Ключевая роль в этих вопросах отводится нормам о пределах действия закона, в частности уголовно-процессуального, место которых в системе права до настоящего времени точно не определено.

По мнению М. Н. Марченко, системность права подтверждает то, что право является не случайным набором разрозненных юридических норм, а целостным устойчивым образованием, «система права